

ЧЕКИСТЫ В ЧЕРНОБЫЛЬСКИХ СОБЫТИЯХ

Из записок начальника оперативного отдела

Полковник В. ПОДЕЛЯКИН

Наш отдел ведет контрразведывательную работу в аппаратах центральных ведомств топливно-энергетического комплекса и капитального строительства. В начале 1985 года в отделе было создано специализированное отделение по атомной энергетике, которое наряду с выполнением других обязанностей по работе на непосредственно закрепленных за ним объектах осуществляет и кураторские функции по организации чекистской деятельности на атомных электростанциях (АЭС) в целом.

Шестое управление КГБ СССР и наш отдел, в частности, в расследовании причин аварии на Чернобыльской АЭС, как и положено, были заглавными. Чернобыльские события захватили нас сразу и полностью подчинили себе на долгое время всю нашу работу и личную жизнь.

1. В НОЧЬ НА 26 АПРЕЛЯ

Вечер 25 апреля не предвещал ничего необычного. Конец месяца — время всегда напряженное: нужно завершить все запланированные отделом мероприятия, сказывается приближение Первомайского праздника. Подготовка к нему — дело привычное, но сложное и ответственное, ведь за нами — десятки учреждений и промышленных объектов. Необходимо предупредить все, что может омрачить эти светлые майские дни. Пик вроде бы прошел. Нормально доложили на последнем заседании штаба Управления. Осталось провести партийное собрание отдела, на котором с докладом поручено выступать мне.

Конец дня. Занимаюсь докладом. Пока он «сыроват». Откладываю на завтра, еще не подозревая, что вернусь к нему лишь через полтора месяца...

В ночь на 26 апреля просыпаюсь от настойчивого телефонного звонка. Беру трубку. Взволнованный голос Валерия Ивановича Михайлюка, начальника нашего «атомного» отделения:

— У Богдана (заместитель директора по режиму на Чернобыльской АЭС, офицер действующего резерва КГБ) крупное ЧП я, кажется, с самыми тяжелыми

последствиями.

Сон снимает сразу:

— Подожди, перейду к другому аппарату... Откуда получена информация?

От Штангеева (наш офицер действующего резерва, заместитель начальника ВПО «Союзатомэнерго» Минэнерго СССР по режиму).

Как кинокадры бегут мысли. Что такое крупное ЧП, знаем только теоретически — это общая радиационная авария. ЧП с небольшими выбросами радиоактивности уже «проходили».

— Валерий Иванович, «командировочный портфель» готов?

— Готов.

— Сейчас вызову машину и заеду за тобой.

— Сколько сейчас?

— 2 часа 30 минут.

Звоню дежурному по Управлению. Спрашиваю, есть ли какая информация с Украины? Пока нет. Прошу связаться с Киевом и выяснить, что им известно о событиях на станции.

Некоторое время обдумываю ситуацию. Михайлюк и Штангеев свое дело знают. По образованию оба физики-ядерщики и чекисты подготовленные. Их интуицию не отбросишь. Видимо, действительно положение тяжелое.

Звоню и докладываю об аварии и принятых мерах заместителю начальника Управления В. М. Прилукову. Получаю команду готовить группу сотрудников для выезда на Чернобыльскую АЭС. Кто эту группу возглавит, пока не ясно. Как решит руководство.

Все вроде бы с собой взял, даже стакан чаю успел выпить. Выхожу на улицу. Машина на месте. Едем быстро. Улицы пусты. Спит родной город. Еще никто не знает, что наступающее утро несет с собой беду для десятков, а может, и сотен тысяч советских людей. А мы, чекисты, уже это чувствуем. Мало того, через 15— 20 минут мы начнем действовать, чтобы размеры наступившей беды были меньше. Будем тщательно выяснять ее истоки и причины, чтобы те, кому положено, извлекли из нее необходимые уроки, не повторяли ошибок в будущем.

Нет ничего хуже, когда начальник отдела узнает о ЧП на своем участке от руководства Управления. В этот раз испытываю некоторое удовлетворение. Не нас, а мы будем будить сегодня, а Украина, как не раз бывало, не доложила сразу. У них там свои проблемы с докладами в центр. Но единую энергосистему (ЕЭС) страны не обманешь. Приборы Центрального диспетчерского управления ЕЭС не могут не отфиксировать падения мощности на 1 млн. кВт, а там наши глаза есть...

А вот и Валерий Иванович. Стоит в ночи с кейсом на обусловленной автобусной остановке.

— Что конкретно известно?

— Взрыв на четвертом блоке и пожар на кровле третьего блока и машинного зала. Других данных пока нет. Если взрыв реактора, то это крупная радиационная авария, с которой мы раньше не встречались.

Вперед — к четвертому подъезду. По дороге обмениваемся соображениями по существу вопроса. Вспоминаем, когда был сдан в эксплуатацию четвертый блок, под общей ли кровлей машинный зал АЭС, где сейчас бушует огонь. Гадаем, что могло стать причиной взрыва. Этот вопрос очень важный. До этого подобного взрыва у нас не было. Мозг сверлит мысль — не диверсия ли?

Вот мы и на месте. Заходим к дежурному, новой информации нет. Из Киева подтвердили, что на четвертом блоке станции примерно в час тридцать возник пожар. На место выехала оперативно-следственная группа. Прикидываем: от Киева до города Припяти 130 километров, два с половиной часа езды по ночной дороге. Выехали в два или в половине третьего. Раньше пяти информации ждать нечего. Здесь же узнаем, что В. М. Прилуков в пути на работу. Посланы машины за сотрудниками Управления В. И. Грачевым и В. К. Мочаловым.

Поднимаемся ко мне. Нужно срочно посмотреть, что у нас есть по Чернобыльской АЭС. Михайлюк пошел за делами. Шарю в своем рабочем столе. Должен быть рекламный проспект Чернобыльской АЭС. В таких делах и эта информация хороша, по крайней мере, там есть план станции, рабочие схемы, а это уже кое-что в первый момент. Звоню по ВЧ-связи начальнику Киевского управления Леониду Васильевичу Быхову. У него нового пока ничего нет. Договариваемся постоянно держать связь.

Около четырех — звонок по «кремлевке»: заведующий сектором Отдела тяжелой промышленности и энергетики ЦК КПСС Владимир Васильевич Марьин. У нас давно уже сложился хороший деловой контакт. Обмениваемся информацией. Она примерно одинакова. На станции еще ночь, ничего не видно, трудно определять, что на четвертом блоке. Обещаю звонить, как появится что-нибудь новое. Приятно. Главный партийный штаб работает.

Михайлюк пытается связаться с Припятским горотделом по оперативной связи. Бесполезно. Туда и в обычное время не дозвонишься, а тем более сейчас.

Раздается телефонный звонок. Получено указание подробно доложить обстановку. Вопросов много. Смотрим схемы, документы. Пытаемся по отрывочным данным воссоздать картину того, что происходит на станции. Однако это чрезвычайно трудно.

Кабинет постепенно наполняется людьми. Вся группа командированных уже в приемной начальника Управления, проводится короткий инструктаж. Улетающим нужно быть на пункте сбора специалистов Минэнерго к шести часам утра.

Параллельно с нами в Минэнерго тоже идет работа. Объявлен срочный сбор постоянно действующей группы ОПАС (оказание помощи атомным станциям), которая должна выезжать на станции в случае аварий с радиоактивными выбросами. На рабочих местах министр, руководители ВПО «Союзатомэнерго», там же и наши сотрудники: А. Н. Штангеев и эксперт по вопросам безопасности В. Г. Климовский. В министерстве уже готовится спецсообщение в Совет Министров. Оно весьма краткое: «26 апреля 1986 года при остановке блока № 4 Чернобыльской атомной электростанции перед выводом в капитальный ремонт в 1 час 41 минуту произошел взрыв, предположительно водорода. По оперативной информации, последствиями взрыва явились обрушение кровли аппаратного отделения в центральном зале, части панелей машинного зала и блока вспомогательных систем аппаратного отделения, а также возгорание кровли машинного зала и аппаратного отделения.

В 3 часа 30 минут возгорание ликвидировано.

Реакторная установка остановлена, состояние активной зоны контролируется.

Отвод тепла производится штатными системами.

Радиационная обстановка в норме.

По докладу директора АЭС, госпитализировано 9 эксплуатационников и 10 пожарников.

Образована межведомственная комиссия по расследованию причин под председательством заместителя министра энергетики и электрификации СССР Г. А. Шашарина».

Содержание спецсообщения совсем не совпадает с нашими данными в отношении состояния реактора--что самое главное. Нужно уточнять.

Почти непрерывно идут звонки. О каждой, даже маленькой, новости докладываю по команде. После пяти в Припяти наступает тревожный рассвет. Можно увидеть здание четвертого энергоблока. От В. В. Марьина узнаю, что, по сообщению директора Чернобыльской станции, объехавшего ее периметр на машине, купола реактора нет, видны проломы в стене реакторного зала, в районе установки по сжиганию водорода. Теперь ясно. Имел место сильный взрыв в реакторном помещении. Но где именно? И что могло взорваться? Неужели взрыв реактора? Если да, то это, как мы и предполагали, — общая радиационная авария. Сердце сжимается от нарастающей тревоги. Ведь там люди в течение почти двух часов боролись с огнем в условиях мощного радиационного излучения, в трех с половиной километрах — город с пятидесятитысячным населением, дети, женщины. Все они теперь в опасности.

В пять тридцать уезжают ребята. Под конец решено, что едут пока трое: заместитель начальника отдела Грачев, а также Михайлюк и Штангеев (последний — член группы ОПАС по линии министерства). Выезд Мочалова откладывается на неопределенное время. Имеется решение руководства, что на месте к ним присоединятся два следователя по особо важным делам из Следственного отдела КГБ СССР, которые работают сейчас на Украине.

Первый раз отправляем людей туда, где действительно опасно, и чем это кончится — неизвестно. Но нужно, и нет ни у кого и тени сомнения. Точно так же уходили чекисты на задание в суровые годы войны. Изменились условия: жизнь и время другие, но чекистские традиции живы. Вот оно новое поколение. Прошу ребят не лазить куда не следует, быть осторожнее, беречь себя... Обещают, но знаю, что полезут куда угодно, если будет нужно.

Отправляем ребят без спецодежды, без приборов, без медицинских профилактических средств. Это наша недоработка. Передоверились «отцам» атомной энергетики, которые многие годы уверяли всех: «нет ничего безопаснее атомных электростанций». Ладно. Об этом потом. Объявляем рабочий день «атомному» отделению и для половины первого отделения, занимающегося Минэнерго и его головными объектами. Узнаем, что создается Правительственная комиссия для расследования причин и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Председателем комиссии назначается заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина. От нас в ее состав включается начальник Управления Ф. А. Щербак. Вылет членов Правительственной комиссии назначен на 16 часов. Летит также начальник отделения из соседнего отдела — Владимир Александрович Богданов. Его сотрудники непосредственно занимаются головными объектами Минсредмаша, которые разработали в свое время основные принципы и конструкции всех атомных реакторов, построили несколько первых атомных станций, а затем в первой половине 70-х годов передали почти всю атомную энергетику в ведение Минэнерго СССР, оставив за собой научное руководство и авторский надзор. Через несколько лет вслед за Минсредмашем курирующий его по нашей линии отдел также передал этот участок другому отделу Второго главка, функции которого пришлось унаследовать нам. Мы активно взаимодействуем в нормальных условиях, еще теснее придется нам работать в ближайшие дни и месяцы.

2. В ПРИПЯТИ...

Наши первые представители добрались в этот красивый пристанционный украинский городок к 15 часам. От киевского аэропорта Жуляны до Припяти министерская группа ОПАС, а вместе с ней и наши ребята ехали на автобусе. Еще в самолете ознакомились с проектной документацией на четвертый блок, обсудили со специалистами все возможные варианты аварии... Недалеко от Припяти дорога раздваивается. Влево она ведет в город. Справа открывается вид на станцию. Все, естественно, прильнули к окнам. Какой-то общий вздох и тревожный шепот раздался в салоне при виде четвертого блока. Стало ясно: активная зона реактора разрушена. Исчезают все надежды на то, что обойдется и на этот раз.

На городской площади перед зданием горкома партии прибывших встречает директор Чернобыльской атомной станции Брюханов. Здесь же начальник Припятского горотдела УКГБ Виктор Николаевич Ключко. Он немного возбужден после бессонной ночи, но собой владеет. Потом, уже в Москве, мы узнаем, какой эта ночь была для него и его сотрудников. А пока... Брюханов приглашает всех на обед. Номера в гостинице определены... Но нашим не до обеда, хотя ели только утром. Михайлюк и Штангеев вместе с Ключко уезжают на станцию. Нужно попытаться все же понять, что произошло. Грачев как старший идет представляться заместителю председателя КГБ Украины Юрию Владимировичу Петрову, который уже прибыл сюда с группой товарищей из Комитета республики и Киевского управления. Первое знакомство. Обмен информацией. Грачев рассказывает об услышанных в дороге оценках аварии

специалистами. Высказывает мнение, что необходимо немедленно останавливать все еще работающие первый и второй энергоблоки станции, готовить эвакуацию города.

Для оказания помощи станции приведены в действие мощные силы. Уже летит сюда Правительственная комиссия, идут подразделения войск химзащиты, формирования гражданской обороны, едут специалисты и ученые, медики. Москва готовится принять первых пострадавших... Но об этом здесь пока не знают. В городе внешне спокойная жизнь. Матери катают в колясках детей. Обычный субботний день. Но, как станет ясно через несколько часов, невидимая страшная опасность в образе проникающей радиации уже здесь. Охватывает и окутывает город. Царящее в нем спокойствие — результат безграмотности, безответственности и нерешительности руководителей станции и города, которые по всем правилам и планам обязаны были оповестить население об аварии, принять меры медицинской профилактики и т. д.

Наша главная задача — выяснение и расследование причин аварии, выявление причастных к ней лиц. Нет ли в их действиях умысла и «руки» противника? И эта задача (версия) оставалась для нас на весь период расследования, пока окончательно не выяснилось, что диверсии не было. Именно к решению этой задачи и приступили наши товарищи сразу же по прибытии на место. Первое дело — опрос очевидцев события и других свидетелей. В условиях, когда со станции уже выведены первые группы пострадавших, когда по городу ползут различные слухи, дело это непростое. Тем не менее к назначенному на 20 часов первому совещанию оперативной группы удастся опросить 14 человек, провести ряд бесед со специалистами.

На совещании впервые собрались вместе прибывшие из Москвы сотрудники центрального аппарата КГБ и украинские товарищи. Из коротких деловых докладов участников совещания следует: осмотром контрольно-следовой полосы и охраняемого периметра станции проникновение на ее территорию посторонних лиц не зафиксировано. К 16 часам в горотделе и в помещениях, предназначенных для работы Правительственной комиссии, развернута сеть правительственной междугородной связи. По факту аварии Прокуратурой Украины возбуждено уголовное дело.

В ходе опроса очевидцев установлено, что в ночь на 26 апреля на четвертом энергоблоке перед выводом его в очередной планово-предупредительный ремонт проводилось испытание одной из проектных систем, суть которого заключалась в обеспечении собственных нужд электроэнергией, вырабатываемой «на выбеге генератора» после его отключения от реактора. Во время проведения этого эксперимента в 1 час 23 минуты произошел взрыв в реакторном помещении. Моментально нарушились системы энергоснабжения и управления реактором. На кровле единого для всех четырех блоков машинного зала станции возник пожар. Под угрозой огня оказались первый, второй и третий работающие блоки станции. Больше всего третий, реактор которого был остановлен почти сразу после начала аварии. Героическими усилиями пожарных команд станции, города и подоспевших других пожарных частей МВД пожар удалось ликвидировать. Среди пожарников и сотрудников станции — около 200 пострадавших от радиации и огня. Один человек погиб.

Совещание прерывается, так как руководители уходят на заседание Правительственной комиссии. Начинаются кулуарные беседы. Тема одна: что послужило первопричиной происшедших событий? Идет активный обмен мнениями, полученной накануне информацией. Выдвигаются версии. Намечаются мероприятия по их отработке. Все идет своим чередом, как, наверное, при расследовании любого чрезвычайного происшествия. Необычно одно. Рядом, на расстоянии всего трех километров по прямой, из разрушенной активной зоны бывшего четвертого реактора, как из кратера действующего вулкана, в красноватых тревожных отсветах извергаются клубы черного радиоактивного дыма. Ясно, что в чреве этого раненого гиганта идут какие-то процессы. Что он может еще выкинуть и в какое время — никому не известно. Где-то в глубине подсознания непривычное чувство тревоги, ожидания опасности. Но об этом никто не говорит. Как будто его и нет совсем.

В 23 часа с минутами совещание продолжается при участии заместителя Генерального прокурора СССР Олега Васильевича Сороки. О. В. Сорока объявляет, что заведенное ранее уголовное дело Прокуратура СССР берет к своему производству. Особое внимание — докладу старшего оперуполномоченного Припятского гор-отдела Виталия Владимировича Суховилина. Ему 33 года, по образованию инженер-атомщик. Работал на этой же станции инженером смены управления реактором. В 1982 году целевым назначением взят в органы КГБ. Его непосредственный участок — реакторные и машинные залы станции. В отличие от всех присутствующих он хорошо знает технологические процессы, психологию эксплуатационного персонала, расположение помещений и многое другое, без чего нельзя обойтись при расследовании любого чрезвычайного происшествия на атомной станции. Побольше бы нам таких ребят. Каким бы прекрасным контрразведчиком ни был работник, в таком деле трудно быстро сориентироваться без специальных технических знаний. А мы порой подходили к этому важному вопросу несколько легковесно и комплектовали наши вакансии на атомных станциях юристами, сотрудниками, не имеющими необходимого профильного образования.

Вопросов к Суховилину много. Отвечает четко. Уже несколько раз побывал на станции после аварии, побеседовал с очевидцами. Хорошо представляет, где и через кого можно выяснить тот или иной вопрос. Видно, не дрогнул молодой сотрудник в этот тяжелый для него день. Не думал, наверное, никогда, что придется докладывать перед такой аудиторией. А вот пришлось. Первый экзамен выдержан.

На совещании было принято решение подготовить план совместных с Прокуратурой и МВД СССР мероприятий по расследованию причин аварии. Наша главная цель теперь — оказание максимальной помощи и содействия Прокуратуре СССР в работе по уголовному делу. Грачев, а также украинские чекисты Слободенюк, Лисовенко, Пархоменко с подключением других берутся за план. Около трех часов ночи перерыв на сон.

Утром 27 апреля в гостиничном номере у наших шутивая перебранка. Выясняют, кто не закрыл форточку на ночь? Впрочем, вопрос не такой уж праздный. Закрытое окно уменьшает радиационный фон в несколько раз. А реактор рядом. Виден из окна. Чадит, как и накануне.

Основное сегодня — эвакуация жителей города Припяти. Главные силы — на это важное мероприятие. Михайлюк, Штангеев вместе с Богданом на станции, там начали расхолаживать первый и второй реакторы. С утра продолжали работу над планом. Закончили и утвердили. В 14 часов началась эвакуация населения и учреждений из города Припяти. Предварительно о ней утром было объявлено по радио. Обстановка в городе немного тревожная, какая-то строгая и сосредоточенная. Но в общем спокойная. Два с половиной часа продолжалась эвакуация. Ни одного сбоя, ни одного происшествия. С большой выдержкой и спокойствием покидали 50 тысяч жителей города свой родной кров, не зная, когда они вернутся сюда, да и вернутся ли вообще. К сожалению, это полное драматизма событие, ярко продемонстрировавшее моральную стойкость советских людей, их высокий патриотизм, совершенно не было задокументировано. Не оказалось тогда в городе ни кинофотокорреспондентов, ни соответствующих оперативно-технических средств. Последнее — это, пожалуй, наше упущение. Вечером после некоторых дебатов вскрыли мобилизационный ящик гор-отдела, нужно уже было принимать профилактические медицинские препараты против лучевой болезни. Запас их рассчитан на личный состав отдела, а людей оказалось в два-три раза больше. Но все же и это кое-что.

Утром 29 апреля становится известно, что принято решение о передислокации Правительственной комиссии в районный центр город Чернобыль, расположенный в 18 километрах от станции. В качестве места жительства членов комиссии и ее рабочего аппарата выбирается военный городок Чернобыль-2 в нескольких километрах от города Чернобыля. Здесь члены комиссии и ее аппарат проведут несколько ночей, не зная, что находятся в зоне одного из мощных следов радиоактивного выброса из разрушенного

реактора. Две ночи проведет здесь и прибывший на смену заместитель начальника Шестого управления Владимир Аверкиевич Хапаев, весь жизненный путь которого тесно связан с развитием и становлением атомной промышленности в нашей стране. Все это впереди. А пока наши товарищи работают в городе Припяти и на станции. Нужен толковый документ о причинах аварии. Его требует Москва. Сделать его в сложившейся обстановке чрезвычайно трудно. Нарушен нормальный порядок жизни, телефонная связь работает плохо. Эксплуатационный персонал и администрация эвакуированы в близлежащие пионерские лагеря и дома отдыха. Где кто живет и в какие смены работает, непонятно. Найти нужного человека — проблема. Большинство людей возбуждено, измучено бессонницей. На ход расследования начинает влиять уже много раз подвергавшаяся критике ведомственность, стремление любой ценой защитить «честь мундира». Особенно уродливо это проявляется в отношениях между специалистами Минэнерго и Минсредмаша. Первые хотят доказать, что причина аварии в несовершенстве конструкции реактора, вторые — что конструкция безукоризненна и авария произошла из-за грубых ошибок персонала и т. д. Хуже всего то, что каждая из сторон придерживается имеющуюся у нее информацию до решительного момента. Нам же нужна истина. Она всегда где-то посередине между крайними позициями. Ее нужно найти и доказать. Для этого необходимы хорошие позиции, и они у наших товарищей есть. Нужно работать. Как говорил поэт: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». И они изводят эту «руду», забывая про сон и еду, про то, что рядом ходит опасность. Уже налажен поток информации в центр. Регулярно идут шифровки, сообщения по ВЧ-связи.

С утра с вертолетов начали забрасывать реактор мешками со смесью песка, бора, свинцовой и железной дробы. Трудная задача поставлена перед вертолетчиками. Нужно попасть в квадрат 15 на 15 метров. Мешает 130-метровая вентиляционная труба и мощный поток радиации, исходящий из реактора. Его мощность на высоте 200 метров равна 300—400 рентгенам в час. Первые попадания — один-два мешка из десяти. Картина до обыденности простая: лежит на крыше авиационный полковник с рацией и биноклем и при подходе очередного вертолета по одному ему известным признакам командует: «Огонь». Лежать там придется долго. Операция по забрасыванию продлится несколько дней. И сколько рентген соберут корректировщики на этой крыше, тоже пока неизвестно. Всем трудно. Но люди работают, не замечая, что проявляют настоящий героизм. Это пожарники, многие специалисты ночной смены станции, до конца старавшиеся как-то управлять уже разрушенным реактором, зная, что кругом радиационные поля большой мощности. Сегодня очередь вертолетчиков.

День 29 апреля наша оперативная группа продолжала работать в набранном темпе. Появилась первая информация о том, что причиной аварии является положительный паровой коэффициент реактивности, характерный для установленных на этой станции реакторов, и что при определенном его значении наступает саморазгон реактора до неуправляемого состояния. Начата работа по проверке этой версии. Вечером в Чернобыль эвакуируется гор-отдел. Из советских учреждений он уходит последним. Грузится в где-то добытый автобус документация, имущество. В Припяти остаются Михайлюк и Штангеев: у наших есть еще оперативные дела на станции.

Перечень подлежащих выяснению вопросов известен заранее и дополняется по ходу. Планировать работу трудно, потому что она связана с людьми, действующими по своим собственным программам. Наши классические понятия «встреча», «беседа» в этих условиях существенно изменены. Работать приходится в коридоре, в курилке, на пятачке перед зданием Правительственной комиссии, в очереди за минеральной водой, в столовой и т. д. Конечно, соблюдая необходимые правила конспирации.

Постепенно определяются условные сферы влияния. Грачев развивает установленный еще в Москве деловой контакт с директором НПО «Энергия» Минэнерго СССР, профессором, доктором технических наук А. А. Абогяном. Здесь он возглавляет радиационную подкомиссию Правительственной комиссии. Богданов занимается своим участком — это специалисты Курчатовского института и других

средмашевских предприятий. Михайлюк и Штангеев поддерживают рабочий контакт с Е. И. Игнатенко - заместителем начальника ВПО «Союзатомэнерго» Минэнерго СССР, Суховилин и Богдан — с руководителями станции и специалистами. В общем, позиций много, а ясности нет. Нет ее потому, что причину аварии не понимают еще и сами специалисты.

Пятый день командировки - 30 апреля - пролетел в обычном порядке. Переговорив по ВЧ-связи с отделом и передав информацию об обстановке, Грачев решил узнать, как идут дела в Припяти у оставшихся там Михайлюка и Штангеева. Попытки связаться с ними по телефону не удались, оба номера гостиницы, горотдел и аппарат Богдана на станции не отвечали. Зная, что в связи с изменением направления ветра радиационная обстановка в Припяти начала резко ухудшаться, и тревожась за судьбу товарищей, Грачев доложил об этом руководителю опергруппы с предложением выехать в Припять вместе с начальником горотдела Ключко. Получив «добро», на добытой где-то Ключко серой «Волге» вместе с ним отправились в Припять, предварительно переодевшись и надев от радиации на голову пилотки из газеты. Штангеева нашли сразу в его номере гостиницы. Он сказал, что Михайлюк и Игнатенко вместе с вызванным ранее из Киева кинооператором, защитив кое-как вертолет свинцовыми листами, улетели снимать кинофильм на место аварии. Потом кое-кто будет говорить: «Нечего было делать Михайлюку в этом вертолете. Незачем так рисковать, все смогли бы сделать и без него». Да, могли бы. Но какой же настоящий чекист откажется в этой обстановке от возможности взглянуть своими глазами на разрушенный реактор? И второе, очень немаловажное обстоятельство. Оператор был взят «с улицы», что нужно снимать — он не знал. Куда пойдет этот первый документальный материал, представляющий для того момента большую научную, историческую и, безусловно, оперативную ценность?

С Михайлюком он пошел куда надо — в ОТУ КГБ Украины. Ночью фильм был проявлен и с него сняли три копии. Первая была немедленно отправлена в ЦК КПСС, вторая — в Правительственную комиссию, третья осталась у нас. Но это все будет завтра. А пока Грачев, Штангеев и Ключко сидят в Припяти в горотделе и, волнуясь, ждут Михайлюка. Куда сядет вертолет, неизвестно. В город на бронетранспортерах прибыли дозиметристы химвойск, ведут измерения. Уровень радиации на площадке перед горотделом, где стоит серая «Волга» наших ребят, - - шесть рентген в час. Около 15 часов в горотдел позвонил Юрий Владимирович Петров: «Нашелся ваш Михайлюк, он здесь, в Чернобыле». Камень с души.

В этот же день проходит информация о том, что сегодня между 22 и 24 часами может быть новый, уже тепловой взрыв. Кто из специалистов первый высказал эту идею и кто из наших принес ее в оперативную группу, установить сейчас невозможно. Все знают, что в помещениях под реактором скопилось значительное количество воды. Прожог днища реактора расплавленным металлом и попадание последнего в воду немедленно вызовут тепловой взрыв еще большей силы, чем первый. Такую информацию не отбросишь. Ее проверяют. Никто из ученых и специалистов не отрицает такой возможности, но и не подтверждает, что взрыв произойдет именно в это время. Первый кризис снимается тем, что в указанное время взрыва не произошло. Но, как говорят, разрушенные при этом нервные клетки уже не восстановятся. Постепенно маленькая угловая комнатуха опергруппы в здании Правительственной комиссии становится как бы малым информационным центром. Сюда часто заходят члены комиссии — О. В. Сорока, В. А. Сидоренко, А. Г. Мешков, заведующий сектором ЦК КПСС Владимир Васильевич Марьин. Как-то он сказал, что только здесь, в ЧК, можно получить четкую информацию. Мимоходом и, может быть, в порядке вежливости сказано, а все-таки приятно.

Шестой день — Первое мая. Наш славный весенний праздник. В Чернобыле он почти не ощущается. Сегодня для Правительственной комиссии демонстрируется фильм, снятый с участием Михайлюка. На экране первые кадры с места события. Видны детали и то, что ни операторы, ни летчики во время съемки не думали о себе. Тревожный вопрос, заданный шепотом, повисает в зале: «Сколько же они схватили?» Сегодня

вплотную встала проблема эвакуации населения из 30-километровой зоны. Радиационная обстановка уточняется, положение становится все сложнее и сложнее. Много материалов поступает о беспомощности на первых порах медицинских служб, формирований гражданской обороны. Все, что можно, реализуется здесь на месте через Правительственную комиссию. Остальная информация идет в Москву. Ночью становится известно, что завтра в Чернобыль приедут члены Политбюро ЦК КПСС: Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков и секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев. Эта информация, доступная по понятным причинам пока только нашим, ободряет, прибавляет сил. Партия и правительство внимательно следят за чернобыльскими событиями. Начинается подготовка к визиту. Вечером получили теплые поздравления с праздником и небольшую посылку из Москвы от своих из Управления.

2 мая в зале заседаний Правительственной комиссии состоялось расширенное совещание. Н. И. Рыжков, Е. К. Лигачев, В. В. Щербицкий и А. П. Ляшко внимательно выслушивают короткие доклады должностных лиц, ученых и специалистов. Главный вопрос - как быстрее локализовать и ликвидировать последствия аварии? Здесь же оперативно принимаются необходимые решения.

Вечером становится известно, что заменяется состав Правительственной комиссии и ее рабочий аппарат. Принято решение о замене и нашей опергруппы. Сборы не занимают много времени. Верхняя одежда и белье уже навеки оставлены здесь, все остальное придется сдать в Москве как предметы, опасные для здоровья и жизни людей.

Прощай, Чернобыль! На душе, с одной стороны, радость от предстоящей встречи с родными и друзьями, а с другой — немного грустно, ведь каждый из наших товарищей оставил здесь какую-то небольшую частицу себя.

3. В МОСКВЕ...

В середине дня 26 апреля с городом Припятью начала действовать ВЧ-связь. Молодцы связисты! Быстро развернулись. Нам эта связь нужна позарез. Хорошо, что в решении Коллегии в 1984 году была запись о немедленном развертывании ВЧ-связи на атомных станциях в случае крупных аварий, для расследования которых создаются правительственные комиссии. Дальновидная запись, она сейчас и сработала.

Из Припяти, Минэнерго, Миноредмаша, Госатомэнергонадзора, из Курчатовского института, где уже с утра работают наши оперработники и офицеры действующего резерва, к нам понемногу стекается информация о том, что же все-таки произошло. Выводы неутешительные. Перед нами чрезвычайное происшествие с небывалыми ранее по своим масштабам последствиями, которые скорее всего захватят каким-то образом и сопредельные государства. Наряду с участием в расследовании причин аварии нужно готовиться и к тому, чтобы во всеоружии встретить действия нашего классового противника, которые неминуемо будут. Обсуждаем все эти вопросы с моим заместителем Валентином Алексеевичем Соболевым, который сегодня очень кстати дежурит по Управлению. Взвешиваем наши силы и возможности. Их немного. Основные наши «мыслители» и, как говорят, «забойщики» этого направления — Грачев и Михайлюк — уже в Припяти. Из отделения Михайлюка на месте его заместитель Владимир Александрович Скороспелов. Пришел он к нам в отдел на должность старшего оперуполномоченного из Пятого управления в конце 1983 года. По образованию — энергетик-теплотехник, за спиной уже значительный опыт оперативной работы. Помню, как, будучи в очередном «цейтноте», посадили мы его с первого дня на обобщение материалов территориальных органов к заседанию Коллегии КГБ по атомной энергетике. Для новичка, вообще-то говоря, поручение «на засыпку». Но он выстоял и доказал, что и работать умеет, и пером владеет. Вторая «надежда» в этом отделении — Владимир Иванович Чуприн. В конце прошлого года его назначили старшим оперуполномоченным раньше обычного срока. Приобрел хорошего источника информации из числа иностранцев первым из нашего молодого поколения. Безусловно, есть хорошие задатки, но нужно время. А его-то как раз у нас и нет. Решаем привлечь к

работе по этой аварии наше первое отделение, которое ведет, как мы говорим, общую электроэнергетику. Его начальник Валерий Григорьевич Фролов — наш партийный секретарь. Атомной энергетикой он начал заниматься раньше всех нас. Именно с его участием еще в составе Второго главка готовились первые решения по организации контрразведывательной работы на атомных станциях. Объездил многие из них. Хорошо знает руководящий и оперативный состав, многих должностных лиц и специалистов в Минэнерго и на станциях. Через несколько дней он сядет в мое рабочее кресло к телефонам и в течение почти полутора месяцев, вплоть до того, пока не отпросится в Чернобыль на очередную подмену, будет бессменным координатором и организатором многих наших рабочих мероприятий по расследованию чернобыльской аварии, освободит меня от многих хлопот и забот, взвалив их добровольно на свои плечи.

Вызывает В. М. Прилуков. Первое задание — подготовить общую полную справку об оперативной обстановке на Чернобыльской станции. Срок — завтра. Хорошо, что мы в свое время завели контрольно-наблюдательные дела на все станции и начали закладывать в банк данных ЕСИОК ретроспективную и текущую информацию. Но сегодня — выходной и полагаться можно только на себя. Со Скороспеловым отработываем структуру документа. Начинай, Владимир Александрович! Через 20 минут получишь уже следующее поручение — собрать все документы, которые готовились нашим Управлением по этому вопросу в инстанции, в Комитет госбезопасности, направлялись в территориальные органы и т. д. Срок — тот же. Часть этих документов за период до 1982 года — в соседнем отделе, руководит которым Михаил Трофимович Дедюхин. Мы давно знаем друг друга, работали вместе в одном отделе много лет. Хорошо, когда ты в полной мере можешь положиться на человека, а он на тебя. Многие проблемы межотдельских отношений снимаются сами собой.

К вечеру по телефону ориентируем дежурные службы радиоперехвата, основных оперативных и оперативно-технических подразделений, занимающихся иностранцами, сообщаем об аварии, просим ставить нас в известность об информации, касающейся чернобыльских событий. По ходу решаем целую массу организационных вопросов. Главное — это расставить наши скромные силы там, где они нужны больше всего. Докладываем зам. начальника Управления предложения: организовать круглосуточное дежурство руководящего состава нашего отдела, обеспечить сбор и поступление оперативной информации из министерств, ведомств, предприятий и учреждений, привлеченных к расследованию причин аварии и к работам по ликвидации ее последствий. По нашей линии — это Чернобыльская станция, Минэнерго, Госатомэнергонадзор, НПО «Энергия», институт «Гидропроект» и Госкомгидромет. Все эти объекты заняты вопросами проектирования, строительства и эксплуатации атомных станций, а также охраной окружающей среды. По отделу Дедюхина — Минсредмаш, Институт атомной энергии им. Курчатова, обеспечивающий научное руководство разработками проектов атомных электростанций, Научно-исследовательский и конструкторский институт — резиденция Главного конструктора всех энергетических атомных реакторов и ряд других объектов, где рождалась и ковалась советская атомная энергетика.

Получаем добро, начинаем действовать.

Воскресенье 27 апреля для нас начинается как обычный рабочий день, разве что начало сдвинуто на восемь утра. Так теперь будет почти три месяца. К этому времени обычно заканчивался первый сеанс по ВЧ-связи с оперативной группой на станции, обобщалось все, что получено накануне, по «кремлевке» принимался утренний доклад нашего эксперта по безопасности в Минэнерго Владимира Гавриловича Климовского, который работал за себя и за Штангеева. Когда и как он успевал, не знаю. Поступающая от него информация очень помогала, особенно на первых порах. Но почувствовали мы все это позже, когда Климовский уехал с очередной смены в Чернобыль. Как бы сам собой устанавливается порядок — без четверти девять мы должны подготовить очередную оперативную сводку.

Сегодня информации еще мало. Различные «радиоголоса», разведывательные и

антисоветские центры, резидентуры, спецслужбы противника еще не знают об аварии и поэтому пока молчат. В наших институтах и на предприятиях о ней знают еще только единицы. Медленно раскручивается механизм событий, но он уже пришел в движение. Во всех центральных учреждениях, которых коснулась беда, работают люди, звонят телефоны, идут совещания, формируются различные группы и комиссии, выписываются командировки...

Поступили первые данные о пострадавших. Их около 200 человек. Принято решение об отправке всех пострадавших в Москву для лечения в одной из специализированных клинических больниц Третьего главного управления при Минздраве СССР с привлечением специалистов Института биофизики. В этой больнице через несколько дней окажутся все свидетели и некоторые непосредственные виновники аварии. Нужно подготовиться и с ведома врачей по заданию следователей Прокуратуры СССР опросить людей, задокументировать полученную информацию. Нужно, хотя некоторым из них по состоянию здоровья, прямо скажем, не до нас. В работу включается еще один отдел нашего Управления — отдел Н. Д. Шарина. Николай Дмитриевич среди наших начальников отделов — ветеран. Работать с ним одно удовольствие. Всегда спокоен, выдержан и очень отзывчив. Вместе со своими ребятами он возьмет «а свои плечи все вопросы, которые так или иначе связаны с медициной. Их много: ежедневная информация о состоянии дел в больнице, опросы очевидцев, приезд американского доктора Гейла, работа в Комиссии Минздрава и многие другие. В один из самых напряженных моментов — в первой половине мая — Шарин заболевает, но не позволит себе уйти хотя бы на день и отлежаться. Так, на таблетках, с головной болью и ужасным кашлем он и будет выполнять все, что от него потребуется, на самом высоком профессиональном уровне.

Во второй половине дня идем на совещание к руководству Комитета. Наши короткие доклады внимательно выслушиваются. Следуют уточняющие вопросы и тут же даются необходимые указания и поручения. Среди прочих наш отдел получает два важных и неотложных задания: первое — в срочном порядке подготовить шифртелеграмму во все органы об аварии, ее вероятных последствиях и задачах органов КГБ в связи с этим; второе — разработать план мероприятий подразделений центрального аппарата и заинтересованных территориальных органов по расследованию причин аварии, локализации и ликвидации ее последствий.

Вызываю к себе Чуприна. Говорю: «Владимир Иванович, вот тебе «скелет» документа. Знаю, что рановато поручать тебе такие вопросы, но некому. Поэтому напрягись, посмотри старые документы, делай что хочешь, завтра к утру должен быть проект шифр-телеграммы-ориентировки по поводу чернобыльских событий во все органы КГБ». Подготовить проект плана поручаю Скороспелову вдобавок к уже имеющимся у него нескольким поручениям.

К вечеру 28 апреля заговорили различные «радиоголоса», оживились посольства, представительства, иностранные корреспонденты. О чернобыльской аварии стало известно во всем мире. К этому времени мы уже успели разослать нашу ориентировку. Она пошла в органы за подписью Председателя КГБ СССР. И, как стало ясно позже, пошла своевременно, потому что десятки органов КГБ сразу же столкнулись с многочисленными проблемами, особенно те, на территории оперативного обслуживания которых оказались иностранцы. Приятно отметить, что новые подходы к информации и гласности начали действовать в нашей практике. А ведь совсем недалеко те времена, когда о многих очень важных для правильных действий фактах предпочитали молчать.

29 апреля в отдел начала поступать огромным потоком информация. Ежедневно 60—70 телеграмм со всех концов страны и из-за рубежа. Если к этому добавить практически непрерывно действующие аппараты правительственной и оперативной связи, а также оперативные материалы 18 сотрудников, работающих на объектах, то станет ясно, что пропустить через одного человека такой объем информации просто физически невозможно. Волей-неволей приходится вводить ступеньку

предварительного анализа и оценки поступающих материалов. Этим очень важным делом занимаются мой заместитель Валентин Алексеевич Соболев, уже упоминавшиеся Фролов, Скороспелое, Чуприн. Они в курсе всех событий и хорошо разбираются в обстановке. Ко мне попадает теперь только то, что действительно заслуживает внимания, требует доклада руководству, решений и немедленных действий.

Самое сильное впечатление тех дней — это невиданная нами ранее активизация деятельности спецслужб противника, зарубежных антисоветских центров и организаций, враждебных элементов. Они как бы сбросили все свои маски и, пренебрегая условностями, нагло и настойчиво занимались сбором интересующей их информации. При этом очень широко использовались открытые виды связи, технические средства. Опорными пунктами противника стали группы иноспециалистов, коммерсанты, иностранные студенты и т. д. Все это предстоит еще обобщить и проанализировать, извлечь необходимые уроки на будущее. А сейчас нужно знать причины аварии, нужно ответить на вопрос: не диверсия ли произошла в Чернобыле? Некоторые специалисты у нас в стране не прочь «по-быстрому» списать аварию «на руку врага».

Постоянно держим связь с Чернобылем. Чаще всего говорю с Грачевым. Владимир Иванович до прихода в органы — профессиональный партийный работник, секретарь одного из райкомов партии в Мордовии. Еще до партийной работы он успел закончить энергетический техникум, мастером и прорабом прошагал не одну сотню километров по республике, монтируя подстанции и строя линии электропередачи. Его знания и опыт в этой области оказались очень кстати для работы в нашем отделе. Чекистскую профессию он освоил основательно. Никто лучше него не мог сразу вникнуть в суть любой аварии в энергетике. Сейчас Владимир Иванович работает начальником отдела в другом Управлении. И нам, по-видимому, долго не будет хватать его богатого жизненного опыта и знаний в области энергетики.

Поздно вечером 2 мая получаем пакет от наших из Чернобыля, в нем фотографии разрушенного реактора, копия фильма, снятого на станции, справка опергруппы о причинах аварии, написанная И. Михайлюком. В ней логично и последовательно изложена суть событий на АЭС. Валерий Иванович в органах с 1974 года, по образованию физик-атомщик, работал в десятом отделе, затем в отделе кадров ВГУ. В 1983 году по личному рапорту Михайлюк поехал в Афганистан, почти год воевал с душманами, за что получил орден ДРА. С 1985 года — начальник отделения в нашем отделе. Человек ответственный, грамотный, в атомной энергетике ориентируется свободно. Верить ему можно и нужно.

В ночь на 3 мая из Чернобыля возвратились наши «первопроходцы»: Грачев, Михайлюк и Штангеев. В тот же день в Москву на лечение прибывают сотрудники Припятского горотдела: его начальник В. Ключко, старший оперуполномоченный В. Суховилин, заместитель директора Чернобыльской АЭС по режиму, офицер действующего резерва В. Богдан, водитель горотдела Ф. Хорошун. Всех их помещают в Шестую клиническую больницу. Поздно вечером, завершив самые неотложные дела, едем туда целой делегацией. За последние дни мы стали какими-то сентиментальными, при встрече с чернобыльцами целуемся, обнимаемся, как будто не виделись целую вечность. Все товарищи бодрятся, хотя и невооруженным глазом видно, что люди пережили сильную психологическую встряску, значительное физическое перенапряжение. Первые медицинские анализы вроде бы обнадеживают, но мы знаем, что радиация — это коварная штука. Из головы не уходит мысль — хотя бы все обошлось без последствий для их здоровья. В больнице встречаем ребят из отделов Шарина и Дедюхина: В. Кубанцева, В. Лукьянчука, Ю. Багирова, В. Семькина, А. Любимова. Они здесь днюют и ночуют, идет большая работа по опросу очевидцев аварии.

На смену первой бригаде в Чернобыль уехали Вячеслав Константинович Мочалов и Сергей Алексеевич Гуреев. Оба надежные парни, грамотные и опытные работники. Знали, куда уезжают, но и бровью не повели.

В один из этих дней узнаем, что в Политбюро ЦК КПСС создана оперативная группа по ликвидации последствий чернобыльской аварии. Одновременно ведется разработка общегосударственных мер по предупреждению таких катастроф в будущем, предусматривающих коренную перестройку принципов развития атомной энергетики и управления ею. Появилась острая необходимость в объективной информации об упущениях и просчетах в этой отрасли промышленности, допущенных в ходе ее создания, об узких местах, нерешенных проблемах, о степени надежности и безопасности атомных электростанций, об отношении к этим вопросам конкретных должностных лиц и т. д. Эта информация должна быть получена, тщательно проверена, еще раз выверена и только после этого доложена руководству. Никто не сможет измерить, да и меры такой не существует, сколько труда и бессонных ночей затрачено на это дело оперработниками, нашими руководителями, машинистками.

Параллельно этому ни на час не прекращалась работа по расследованию уголовного дела, проверке многочисленных первичных сигналов, заявлений граждан, проведению научно-технических экспертиз, розыску свидетелей и очевидцев аварии. Нас просто перестает на все хватать. Выбывает из строя Чуприн, поднялось давление. Для нас это — потеря, но он, отлежавшись один день, пошатываясь, снова пришел на работу. Руководство подключает к нам сотрудников из других отделов, однако им нужно какое-то яром я для того, чтобы войти в наши дела.

Приближается Праздник Победы — 9 Мая. Из Чернобыля поступает информация о том, что именно в этот день можно снова ожидать взрыва реактора. Опять неизвестно кто, но якобы рассчитал, что происходящие в реакторе тепловые процессы могут привести к взрыву. Мы это уже «проходили». Информация на уровне слухов, но никто из ученых не отрицает ее категорично. Утром 9 мая один из наших работников, не буду называть его фамилии, принес, я бы сказал, паническое сообщение. Суть его сводилась к тому, что за прошедшие дни все содержимое реактора, по расчетам источника (доктора технических наук), должно перейти в жидкое состояние и, в зависимости от удельных весов, все металлы расположатся в виде «слоеного пирога». При этом может образоваться критическая масса скорее всего плутония, за чем неминуемо последует атомный взрыв.

Недостаток знаний в области физики и металловедения не позволяет нам просто отбросить эту информацию. Обсуждаем различные варианты. А вдруг на самом деле. Ведь недалеко Киев. С трудом подавляю в себе желание доложить по команде. Но что я скажу? «Фонарь подвесить» просто. Но и самому страшно. Дело осложняется тем, что сегодня выходной и проверить-то эту информацию негде. Приглашаю работников из отдела Дедюхина Н. Н. Редина и А. Р. Абалова — специалистов по ядерным взрывам. Но они тоже не успокаивают. Нужна встреча с хорошим специалистом-металловедом атомного профиля. Отправляю Абалова с автором сообщения в Курчатовский институт. Медленно течет время. Тяжела ты, шапка Мономаха, даже на несколько часов. Часам к 15 ребята возвращаются. Нашли - профессора-металловеда, рассказали ему суть нашей проблемы, а он спокойненько разъяснил, что если даже все расплавится, то составляющие содержимое реактора металлы окажутся в расплаве в виде окислов, которые никогда не образуют критических масс и тем более не взрываются. Камень — с души. Хорошо хоть сдержался и не стал распространителем панических слухов. Хотя, не скрою, очень хотелось скинуть с себя эту тяжесть.

Оставляем дежурных и вместе с Фроловым и Скороспеловым едем поздравлять с Праздником Победы наших «лантаноидов», как в шутку себя называют прибывшие на лечение сотрудники. Накануне их всех по указанию руководства КГБ перевели в новый филиал нашего госпиталя. Врачи и сестры гематологического отделения, куда их положили, окружили ребят вниманием, теплом и заботой. Кормят по каким-то специальным нормам. Икры, колбасы, мяса и соков - с избытком. Наши гостинцы, закупленные наспех, выглядят более чем скромно по сравнению с их изобилием. Ребята немного отошли, отоспались. Некоторые, особенно ретивые, даже высказывают

намерения «махнуть через забор и домой»; разъяряем — нельзя, рано.

О работе наших ребят в Чернобыле мы уже подробно говорили в начале, а как действовал Чернобыльский горотдел в те страшные первые часы, мы узнали из фонограммы их рассказов, записанных уже в госпитале.

По первому сигналу все сотрудники собрались в горотделе. Богдан и Суховилин сразу же отправились на станцию, вскоре за ними туда же выехал и Ключко. Приблизившись к месту происшествия на расстояние менее 300 метров, они первыми осмотрели его, а ведь не новички, знали, на что идут. Осмотрели также контрольно-следовую полосу в районе четвертого блока, приняли меры к ограничению пользования телефонной связью в целях предотвращения нежелательной утечки информации. Первые часы сотрудники горотдела провели на станции, организовали опрос очевидцев, задействовали все свои оперативные возможности среди специалистов, ориентировали их на выяснение причин аварии и отслеживание складывающейся на станции и в городе оперативной обстановки. В первые дни они принимали самое активное участие в обеспечении отправки пострадавших, и только после эвакуации всех городских учреждений, населения, в том числе и своих семей, сотрудники горотдела последними покинули опустевший город.

4. ЛЕТИМ В ЧЕРНОБЫЛЬ...

Настала и моя очередь поработать непосредственно в районе аварии. 20 мая вместе с первым заместителем Председателя КГБ СССР тов. Бобковым Ф. Д. вылетаю в Чернобыль, чтобы изучить проблему дальнейшей организации контрразведывательной работы в 30-километровой зоне.

Из аэропорта ненадолго заезжаем в Киевское УКГБ, а оттуда едем в Шестое управление КГБ УССР. Во второй половине дня решаем ряд организационных вопросов, связанных с последующей непосредственной работой в районе атомной станции.

21 мая рано утром, облачившись в почти космические одежды, вылетаем в Чернобыль. Наш воздушный путь туда проходит частично над Киевским морем, вдоль его живописного побережья, над удивительно красивыми сверху, утопающими в цветущих садах деревнями, поселками, молями и лесами. Но чем ближе «к зоне, тем более пустыми и безжизненными они кажутся.

Пролетаем над «рыжим» лесом — участком, который после выброса действительно порыжел. Грустное впечатление оставляет картина опустевшего города Припяти. Глухая злость вскипает в душе, когда думаешь о тех именитых ученых и безответственных специалистах, которые на протяжении многих лет уверяли всех нас, что нет ничего безопаснее атомного реактора. Теперь все знают истинную цену этим словам. Что же касается нас, чекистов, то мы делали, что могли, чтобы предотвратить и не допустить подобных аварий. Но возможности у нас не безграничны. Наши материалы по вопросам такого рода, какие бы острые они ни были, не могут иметь больший вес, чем мнение ведомств и министерств, отвечающих за тот или иной участок в науке и народном хозяйстве. А там, к сожалению, оценки положения в атомной энергетике были успокаивающими. Теперь они совершенно правильно названы беспечными и безответственными.

Как хорошо, что уже состоялся апрельский Пленум и такой долгожданный XXVII съезд нашей партии, что новые времена уже наступили. В стране дует свежий ветер перемен. Однако перемены будут эффективнее, если мы до конца осознаем и поймем, почему же случилась беда в Чернобыле, что в конечном счете привело к катастрофе.

Одной из причин этого, несомненно, является уродливое и не раз осужденное явление, которое наши публицисты иногда называют «монополией от науки», «монополией на истину» и т. д. На мой взгляд, это явление следует называть проще и точнее, а именно «групповщиной» в науке и промышленности. Ее суть заключается в том, что на различных основах, и зачастую не всегда порядочных, в той или иной области пауки и техники формируется группа лиц, которая, активно используя

протекционизм и круговую поруку, расставляет своих «единомышленников» на ключевых постах и постепенно действительно приобретает монополию на истину в первой инстанции в этой области. Лидеры таких групп со временем становятся настолько уверенными в своей непогрешимости и вседозволенности, что любое мнение «против» просто уничтожается или объявляется несостоятельным уже только потому, что оно не «за». Так было и в нашей отечественной атомной энергетике почти два последних десятилетия...

Однако возвратимся к майским дням минувшего года. Наш вертолет уже садится в Чернобыле. Вместе с заместителем начальника Шестого управления КГБ СССР Г. В. Кузнецовым едем на очередное заседание Правительственной комиссии. Большой зал заседаний в здании Чернобыльского РК Компартии Украины почти полон. Здесь руководители оперативных штабов министерств и ведомств, привлеченных к ликвидации последствий аварии, ученые и специалисты, руководители местных советских и партийных организаций. В президиуме Председатель Правительственной комиссии, заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. А. Воронин, руководитель оперативной группы Министерства обороны и заместитель Председателя Совета Министров УССР. По тому, как люди одеты, как ставятся вопросы, как даются ответы, чувствуется необычность и суровость обстановки. Обращает на себя внимание строгий спрос за выполнение ранее данных поручений и нелюбезная оценка тем, кто что-то не сумел или не успел сделать. После 50-минутного рассмотрения множества вопросов заседание закончилось.

Мы с Г. В. Кузнецовым едем в горотдел УКГБ. На Украине сейчас пора цветения. Благоухают деревья и травы, заливаются птицы, трудно поверить, что все это уже отравлено и не принесет людям радости. Спрашиваю у Геннадия Васильевича, который является здесь членом Правительственной комиссии и руководителем оперативной группы центра, как ему живется и работает в Чернобыле. В. Кузнецов кратко делится впечатлениями. Надоедает респиратор, в машине приходится ездить с наглухо закрытыми окнами. Нужно часто переодеваться и мыться. В остальном обычная для командировки работа.

В те дни я имел возможность убедиться, что работа, которую Геннадий Васильевич назвал обычной, требовала от всего оперативного состава, находившегося в зоне аварии, большого мужества и самоотверженности. Многочисленные встречи и беседы с сотрудниками Комитета, специалистами, учеными позволили сделать твердый вывод о горячем стремлении чекистов внести достойный вклад в устранение последствий аварии, успешно справиться с задачами, которые раньше никому из нас решать не приходилось.

Поэтому домой я возвращался с удовлетворением от того, что удалось на месте вникнуть в сложившуюся в зоне аварии обстановку и оценить ее, почувствовать атмосферу напряженного труда наших товарищей. Это очень поможет мне в дальнейшей работе.

Москва — Чернобыль — Москва

От редакции. За мужество и самоотверженные действия, проявленные при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и устранении ее последствий, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1986 года награждены: орденом Ленина старший прапорщик Б. П. Аверьяш в; орденом Красного Знамени - генерал-лейтенант Ф. А. Щербак; орденом Трудового Красного Знамени - капитан М. М. Воронович, подполковник С. А. Гу-реев, генерал-майор А. В. Дюкин, подполковник А. П. Остапенко, подполковник М. И. Чекеда; орденом Красной Звезды - подполковник А. С. Архипов, капитан Б. Б. Бондарь, подполковник В. И. Грачев, старший прапорщик В. Г. Замятин, полковник юстиции В. Н. Каюков, подполковник В. Г. Колпаков, майор Д. В. Лиш-ский, майор С. И. Слота, прапорщик В. Р. Шаламай, подполковник А. Н. Штангеев; орденом «Знак Почета» — техник-телефонистка Г. В. Валяева, капитан О. М. Корчагина, подполковник В. К. Мочалов, старший сержант Н. В. Пикитенко,

подполковник Н. П. Цимоха, подполковник А. Г. Чесноков, техник-телефонистка Т. В. Шептаева; медалью «За отвагу» - старший лейтенант В. Ю. Дудко, майор В. И. Литовчук, майор В. Н. Макаренко, сержант П. В. Минаков, подполковник А. Н. Миргородский, майор П. А. Панченко, старшин прапорщик В. С. Сумин, капитан А. В. Чвилев; медалью «За боевые заслуги» — майор Ю. В. Герасимов, подполковник А. И. Гордиенко, старший лейтенант А. А. Камахин, майор В. Р. Наложитый, капитан В. В. Нечипоренко, ефрейтор С. И. Петровский, майор Б. А. Сидоренко, старшина Н. С. Снегирева. Ранее орденом Трудового Красного Знамени был награжден подполковник В. И. Михайлюк.